

Этюд о художнике

Люди России

Тропута туманом мартовская дорога. И рывок стоящего перед Волгой моста. И деревянный Север, как будто насквозь прошагнул захватом береговых штабелей. И несвятые белые ночи. И мерный рокот тяжелого груженого баржи, одолевающей течение.

Все это могло бы показаться частностями, не будь на полотнах главного, что поднимает будничный эпизод или неприметный пейзаж до высот откровения. Это главное — смыслины любовь художника к земле, на которой он вырос и которой вечно будет предан.

Более сотни живописных полотен народного художника РСФСР Юрия Ивановича Семенова экспонируются на выставке в Ярославле. Искусствоведы говорят об очевидной традиции русского реализмического пейзажа, получившей развитие в творчестве видного советского мастера. Сравните его ранние работы с теми, что созданы недавно, они отменяют движение в тонах и глубине, обретают мягкую манеру письма. Все это, несомненно, так. У Семенова не обнаружили пыльной осени, и снег у него не слепит белизной, и вообще никакая краска не забывает поплотнее. Внешне его картины не нарочита, слово — не громко. Художник не пытается ошеломить драматичностью композиции или цветом. Ему дороже иное: пусть зритель вглядится в то, что кажется таким будничным, и в этой обделистности откроет для себя неизвестное.

Юрий Иванович Семенов знает цену мира и тишины. Едва успев получить диплом живописца, он стал солдатом. От не большого украинского города Чугуева (кстати, родины И. Репина) прошел всю войну, жил рядом со смертью, терял друзей. Видел избы, чернеющие оставами, прочесанные танками поля, крестьянские кони — в западине, не в закатном огне.

Легче всего судить о народных корнях творчества этого самобытного живописца по сугубо внешним приметам: потемневшие от дождей крыльца, берестяные короба да туза, тепло деревянных лавок вокруг деревенского столпа... Да, Семенов неравнодушен к бытовым деталям в своем живописи: едва ли не так же, как заправский этнограф.

Гвардии майор Александр Олейник, командир подразделения, человек немноголовый, основательный. В новой должности на полигоне впервые и поэтому попросил: «Давайте все вопросы на потом. Вот отстреляемся, тогда — хоть до утра».

Гвардии сержант Андрей Паршин. Вечно улыбается, мрачные стороны жизни для него, по-моему, не существует. Ни вопрос: «Зачем поехали на полигон, ведь у мог бы быть дома?» — удивленно вскинулся белесые брови: «Как зачем? Здесь я нужен. Родителям написал, что задержусь».

И вот проверена еще раз техника, солдаты и офицеры сделали зачеты. Завтра — бой.

...Всакакива, обожженный мыслью: «Опоздали! Над стенью разгорается рассвет, но пологий палаты еще задернуты, с облегчением понимаю: подъема не было».

Тархатит дизель. Возле умывальника — группа молодых офицеров. Плещаются друг в друга водой, смешаются.

— Подъем! — командуют дневальщики. Лагерь умываеться, бреется, чистит сапоги, подшивает подворотники, заражает...

Повар вошел в полевую столовую, грустно сказал: «Сча-

ПУСК

Полигон... Мой путь лежал к палаточному городку воинов дивизиона гвардейского зенитного ракетного полка.

Однообразная картина виделась из оконца «чайки»: земля, на которой лишь кольцо вертолюка колючка. Изредка мелькали ослепительные белые пятна — колючки. Вспорхнула с обочинами птица. Перебежал дорогу суслик.

Час сядь, и с пригорка открывается взглядом рядок армейских палаток. Пять дней назад здесь ничего не было. Но пришли люди, поставили палатки, запустили дизель, растопили походные кухни...

Сейчас лагерь будоросен, все на позиции. Идут регламентные работы — настраиватся, отлаживаются техника.

Характерный случай произошел перед отъездом полка на полигон: сержант Андрей Паршин и младший сержант Владимир Двуреченский написали рапорты с просьбой отложить увольнение в запас, разрешить участвовать в тактических учениях с боевой стрельбой. Олейник команда:

— Первый — пуск! Второй — пуск!

На экранах индикаторов, которые похожи на перевернутые вверх дном блюдца, появляется точка. Она приближается к отметке от цели — продлотоватым рисовыми зарницами. Стреляющий через плечи Цыганков вглядывается в скрип.

— Внимание! — торжественно произносит Цветков.

Хорошо работаем, — подбадривает расчет Олейник. — Почки сделаны.

К зоне подходят новые самолеты.

— Есть цели. Цель маневрирует по высоте. Цель машины скользит — спустя минуту.

Еду на позицию дивизиона...

...Сидим в ужо, как пепел первокласников, забывшие становки паведения ракет. Справа и слева текут нас шафы со множеством кнопок, переключателей, тумблеров?

Расчет командного пункта дивизиона готов к работе. У оранжевых экранов индикаторов замерли операторы гвардии ефрейтор Павел Цветков и гвардии рядовой Юрий Цыганков, рядом — офицер наставления гвардии лейтенант Валерий Афанасьев.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из-под зелено-полевой фуражки. Повседневно прошел все ступени: был командиром взвода, затем — академия.

На полигоне как-то легче сходишься с людьми, глубже их унашаешь. Гвардии майору Владимиру Савоскину тридцать с небольшим лет. Несколько рыжеватые вихри то и дело выбиваются из